

функциями женщины брачного возраста считались деторождение и воспитание детей. Многодетность женщины связывалась с представлениями о ее мудрости, о приобретении жизненного опыта. К такой женщине обращались за советом не только молодые женщины, но и мужчины.

Почитание образа матери до настоящего времени сохраняется в представлениях о мифологической покровительнице всех женщин и детей — о добром духе *Ұмай*. Вера в божество *Ұмай* является отголоском древнего культа, родиной которого считается Центральная Азия. Он распространен у многих тюркоязычных народов: у кыргызов, алтайцев, хакасов. В казахском языке имя *Ұмай* сохранилось в виде *Май ана* — «Мать Май», «Мать-огонь» (Жубанов 1936: 13; Толеубаев 1991: 43). Во многих тюрко-монгольских языках слово *ұмай* (*ума*) тесно связано с процессом рождения ребенка и употребляется в значении утробы матери, последа. Невеста, в первый раз переступая порог дома своего свекра, наливала *май* (каз.: масло) в очаг, роженица для облегчения родовых мук обращались в своих словах за благословением к Матери *Май*. До недавнего времени казахские повитухи и целительницы призывали в помощь почитаемых женщин, в том числе и Мать *Май*. Принимая роды или проводя сеанс лечения, они приговаривали: «Не моя рука, рука Биби Фатимы, Зухры, матери *Ұмай* (Май), матери Камбар...» (Толеубаев 1991: 43–44).

2.7. Основные причины многоженства. Хозяйственные обязанности женщины

Среди казахов многоженство не было широко распространено. Но полигамия традиционно рассматривалась как показатель престижа и достатка мужчины, так как размер калыма с заключением каждого нового брака пропорционально возрастал. И позволить себе взять вторую или третью жену не по праву левирата (*әмеңгерлік*), а девушку, еще не вступавшую в брак, мог только состоятельный человек.

Одной из веских причин второго и третьего брака была необходимость для мужчины, имеющего обширное хозяйство, приобрести дополнительные рабочие руки. Довольно часто состоятельные казахи выделяли каждую жену в отдельное хозяйство, и женщинам приходилось управлять целыми аулами во время отсутствия мужа, пока он кочевал в отдалении от них, но с наступлением зимы все члены семьи сходились вместе на зимовку.

Причиной заключения второго брака могло стать и бесплодие первой жены или рождение у нее исключительно дочерей. И. Алтынсарин приводит известную казахскую пословицу, демонстрирующую отношение казахов к многодетности в семье: *Байталъ көп болса құлын да көп болады*, что в переводе значит: «Если много будет кобыл, то и жеребят будет много» (Алтынсарин 1870б: 103). Нельзя исключать и того, что именно второй брак для мужчины мог быть женитьбой по любви, а не по настоянию родителей. Часто именно младшие жены становились любимыми женами своего мужа. При этом первая жена оставалась в семье на правах *бэйбіше*.

Родовой закон и общественное мнение, игравшие большую роль в традиционном обществе, защищали женщину, выданную замуж по соглашению между родителями супругов, а не по взаимной любви, от развода с мужем, который так и не сумел полюбить ее. Но нормы шариата, предусматривающие обязательное согласие первой жены на повторный брак мужа, у кочевников соблюдались далеко не всегда. По-видимому, многое зависело от семейного статуса первой жены, ее личных качеств и от степени влияния ее мнения на решение мужа. Некоторые старшие жены приобретали такую власть, что муж не смел противоречить им и посещал своих младших жен тайно. Такие женщины становились полноправными хозяйками и распоряжались младшими женами, как свекрови — невестками. Но бывали и обратные ситуации — лидирующее положение в семье занимала младшая любимая жена, в юрте которой и жил муж, а ее дети имели приоритет в наследовании его имущества.

Хозяйственные обязанности казахской женщины были огромны. Она занималась выгоном и дойкой скота, приглядывала за молодняком, готовила пищу, мыла и чистила посуду, убиралась в юрте, запасала топливо. А в остальное время ухаживала за маленькими детьми, воспитывала подрастающих, занималась прядением шерсти, ткачеством, валянием кошм, вышиванием. Конечно, изнурительным домашним трудом не занимались казашки в состоятельных семьях, которые могли нанять прислугу или бедных родственниц, согласившихся работать по хозяйству за небольшую плату или предоставленную их семьям услугу, скажем, в приобретении скота. Поэтому бывало, что в обычных семьях женщины с радостью воспринимали новость об очередной женитьбе их мужа, так как с приходом новой жены в доме появлялась дополнительная пара рабочих рук. Иногда старшая жена сама подбирала для мужа новую невесту, а после заключения брака относилась к ней как к невестке.

Раннее замужество, тяжелый труд, многочисленные роды негативно сказывались на здоровье казахских женщин. Часто женщины не доживали до пятидесяти лет, а если и доживали, то, как отмечали исследователи культуры тюркоязычных кочевников Центральной Азии, были в этом возрасте совершенно похожи на древних старух (Джумагулов 1960: 24).

Возможно, что некоторые из авторов, описывающих быт кочевников, преувеличивали дискриминацию женщин в традиционном разделении домашних и хозяйственных обязанностей между мужчиной и женщиной. Действительно, в традиционном кочевом обществе существует четкое разделение мужских и женских занятий, при этом основной груз домашних работ ложится на плечи женщины. Но выполнение мужчиной женской работы встречало не только непонимание, но и насмешки со стороны самих женщин. В сфере домашнего хозяйства полномочия женщин были практически не ограничены, и муж, как правило, предпочитал не вмешиваться в хозяйственную деятельность своей жены. Женщины, умело управлявшиеся с хозяйственными и домашними делами, славились на всю округу, их статус в семье мужа был достаточно прочным, так как они доказали свое умение в той сфере деятельности, которая традиционно считалась исключительно женской, продемонстрировав свое соответствие традиционным ценностным характеристикам «настоящей женщины».

В советское время вопрос о неравенстве в выполнении ряда как домашних, так и хозяйственных работ мужчинами и женщинами просто замалчивался, а на практике оказывалось, что даже в быту «советские колхозники» продолжали руководствоваться традиционными стереотипами разделения трудовых обязанностей. Мужчины традиционно занимались выпасом и уходом за скотом, кузнечным делом, плотницким ремеслом, а основной груз «колхозных работ» ложился на плечи женщин. Кроме того, работая в колхозе, женщины продолжали выполнять все семейные обязанности и вести домашнее хозяйство. Таким образом, к общепринятым хозяйственным обязанностям женщин государство прибавило еще и колхозные работы.

В традиционном повседневном быту женщина должна была руководствоваться жесткими этикетными нормами. Внутреннее пространство юрты делилось на несколько секторов. Правая (с позиции почетного места) сторона — мужская (*оң жақ*), левая — женская (*сол жақ*), центральное место за очагом, напротив входа, — почетное, предназначенное для главы семьи, стариков и гостей (*төр*). Такое деление отражает не только символические характеристики внутренне-

го пространства жилища, но и определенную социальную и половозрастную стратификацию традиционного общества. Женщины с малолетними детьми находились на женской половине и без необходимости старались не заходить на мужскую половину юрты, особенно в присутствии старших родственников мужа или почетных гостей. Женщине в статусе *кейін* вообще запрещалось находиться на правой стороне жилища. Женщине запрещалось перешагивать через ружье, снасти, капканы, седло, плетль. Считалось, что женщина, перешагнув через эти вещи, неминуемо нанесет вред и вещам, и самому мужчине. Запреты в поведении женщины объясняются самими носителями традиции ее «нечистотой». Но эта «нечистота» не имела в традиционном обществе негативной оценки и не ассоциировалась с отрицательным статусом женского начала, она скорее подчеркивала, что женщина, в отличие от мужчины, по своей природе связана с миром иным: она вынашивает и рождает детей, оплакивает умерших. И эта связь с потусторонним миром может через женщину определенным образом повлиять на окружающих ее людей, особенно если женщина находится в «необычном» состоянии беременности, послеродового кровотечения или менструации.

2.8. Институты *кейуана* и *каткуда кемпір* у народов Центральной Азии и статус старшей женщины в семье у казахов

В связи с рассматриваемой тематикой необходимо остановиться на существующих у некоторых народов Центральной Азии институтах *кейуана* / *кяйвони* (*кадбону* — в иранских языках, от *кад/кат* — «дом») и *каткуда кемпір*. У казахов прямых параллелей им нет⁵, но обращение к соответствующим каракалпакским, узбекским и другим материалам позволяет сравнить специфику статуса старшей в семье женщины у оседлого и кочевого населения.

Кейуана — старшие женщины, пользовавшиеся большим авторитетом в своей семейно-родственной группе. У каракалпаков такие

⁵ У казахов зафиксировано словарное употребление понятие «кейуана» — «почтенная старая женщина» (см., напр.: Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1979. Т. 4. С. 562). Однако этнографических сведений об указанном институте фактически нет (прим. ред. — С.А.).